

18+

ВАДИМ ФЕФИЛОВ

КЛИНКИ КАПИТАНА БЕНФИКИ

РОМАН

Вадим Павлович Фефилов
Клинки капитана Бенфики
Серия «Восточный роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67099548

Клинки капитана Бенфики:

ISBN 978-5-17-137977-3

Аннотация

Вадим Фефилов – известный журналист, двадцать шесть лет работал репортером-документалистом, часто – в зонах военных конфликтов.

«Клинки капитана Бенфики» – захватывающий дебютный роман. Сильная йеменская девушка, офицер контрразведки, в одиночку противостоит суровому мусульманскому миру мужчин, государственной машине, террористам и собственной семье.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	17
3	44
4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Вадим Павлович Фефилов

Клинки капитана Бенфики

*В романе использованы настоящие документы
и реальные истории, записанные автором во время
посещений Йемена и соседних стран.*

*Некоторые птицы не предназначены для того,
чтобы держать их в клетке.*

*Стивен Кинг «Рита Хейворт, или Побег из Шоушенка»
(перевод Екатерины Александровой)*

© Фефилов В.П.

© ООО «Издательство АСТ»

Часть I

1

В аэропорту

Кряжистый пожилой мужчина в длинной зеленой юбке, пыльном пиджаке и с автоматом Калашникова, приклеенным к плечу, конвоировал по переполненному столичному аэропорту высокую девушку в модном черном хиджабе из легкой и прочной ткани. Из-под пиджака старика, вышагивающего по *Sana'a International Airport*, как краб вдоль кромки морского залива, торчала майка с еле узнаваемым портретом футболиста Эйсебио. Длинные усы дяди Шейха шевелились, словно две сердитые гусеницы. Он только что обвинил ее в «умышленной порче шести семейных пикапов, трусливом бегстве с места убийства жениха и наглom воровстве кинжалов стоимостью в три миллиона долларов США». Многова-то грехов для одного дня и скромной арабской девушки... В кармане ее абайи¹ лежал дефицитный авиабилет, позволявший уже в течение ближайшего часа покинуть родину, однако этот мутирующий таракан с чужой планеты (из филь-

¹ Традиционное арабское женское платье с рукавами, предназначенное для ношения в общественных местах. – *Здесь и далее примеч. автора.*

ма с запиленной VHS-кассеты) неожиданно помешал побегу. В такт шагам в рюкзаке тихо скрежетали кинжалы с рукоятками из рогов черных носорогов работы иудейских мастеров древнего халифата Аббасидов. Мешок из вяленой кожи сильно оттягивал левое плечо, но девушка в спортивном хиджабе привыкла, что правая рука должна быть всегда свободна.

– Дикая кошка-воровка, попытавшаяся утащить наши финики... – дядя Шейх подбавил к ранее высказанному обвинению витиеватой образности.

– Вы считаете, это смешно? – Зеленые глаза девицы потемнели. Дервиши на базарах утверждают, что при виде изумрудного камня именно такого цвета дохнут даже ядовитые песчаные эфы.

Когда-то давно – за мягкую походку, мгновенную реакцию и изумрудные глаза – отец шутливо сравнивал Бенфику с кошкой породы аравийский мау, а подружки еще в школе находили в ней схожесть с мстительной Холли Берри из *Catwoman*. Тот фильм был не первого сорта; она бы предпочла увидеть себя в «Касабланке», но, увы, здешние мужчины не знают, что такое длинные плащи и шляпы... Отцу и сверстницам она позволяла шутить на кошачьи темы, но дяде Шейху-то с какой стати? В детстве, играя на жаркой улице, она всегда чувствовала, что этот пахнувший дурным одеколоном «близкий родственник, присматривающий за дочкой вождя» находится где-то рядом. Как же он мучил

ее длинными скрипучими лицемерными нравоучениями...

– А что тут смешного? Племянница, выросшая на моих глазах, попыталась меня обворовать, – сказал старик и отпихнул калашниковым засмотревшегося на нее подростка-носильщика. – И не только меня! Ты хотела ограбить все наше племя! Я прибегаю к Аллаху за помощью против шайтана во имя Бога Милостивого и Милосердного!

На улице плюс тридцать пять по Цельсию, но старая вентиляция внутри бетонного параллелепипеда работала еле-еле, как и всё в этом проклятом государстве. Женщины, безглазые тени, закутанные с ног до головы в черные бурки, щекотали за ушами плачущих детей. Ноги мужчин, скрытые до голых лодыжек длинными рубахами, обутые в резиновые шлепанцы или стоптанные пыльные туфли, то и дело передвигали с места на место огромные тюки и неподъемные баулы, перемотанные скотчем. Счастливики в бело-красных арабских куфиях на потных головах, сумевшие зарегистрировать авиабилеты, пили сладкий чай из грушевидных стаканчиков в тесном кафетерии и курили крепчайшие сигареты *Sportsman*, стряхивая пепел на каменный пол. Оглядываясь по сторонам и понизив голос на полтона – нет ли рядом государственных стукачей с рыбьими глазами, – они с раздражением обсуждали цены на продукты, скачущие после революции, как неприрученные пустынные жеребцы; а еще говорили о недавней бомбардировке аэродрома, из-за чего все крупные международные перевозчики отказались от ре-

гулярных рейсов в Сану.

– Только бы улететь из этого бедлама. Говорят, следующий борт будет через десять дней. Если вообще будет... Впрочем, на все воля Аллаха!

– Два года электричества в столице нет, слыханное ли это дело!

– О чем вы говорите? Раньше газ даже в деревнях в горах был. На ишаках баллоны возил... А сейчас... Упаси нас Аллах от проклятого шайтана!

В полицию родственники обращаться не станут – конкурирующие племена подобное заявление сочтут за слабость. И камнями на площади не забьют, ведь шариатом здесь кичатся только для виду. Ну какой шариат, когда все вокруг жуют дурман-траву с утра до вечера? Скорее всего, ей грозит многолетняя ссылка высоко в горы, в деревню «детей дождя», где мимо развешанного во дворе белья плывут грозовые тучи, а каньоны вокруг как бездонные тюремные рвы. Беседовать в той деревне придется с козами да сексуально озабоченной молодежью, лишившейся рассудка от безмерного употребления «арабского чая». И никогда она не научится скользить на серферской доске внутри штормовой волны, как агент Юта, не погуляет по белому снегу в норвежском Лиллехаммере, как Фрэнк «Ловкач» Тальяно, и не проскачет на белой верблюдице по Атласским горам, как легендарная владычица Тин-Хинан.

– Куда мы сейчас идем, дядя Шейх? – спросила девуш-

ка и прихлопнула долгоножку, осмелившуюся подлететь к ее смуглому лицу. Такие точеные профили еще встречаются у праправнучек царицы Сахары.

– Тебе придется немного посидеть у начальника Службы безопасности аэропорта.

– И долго я буду у него сидеть?

– А куда тебе спешить? Он сейчас в больнице с ранением после бомбардировки, но у меня ключ от его кабинета имеется. А потом мы за тобой приедем.

Понятно, значит, дядя Шейх боится в одиночку везти ее из аэропорта в город. Ну и правильно боится. Сейчас он запрет горемычную в прокуренной комнате и отправится в город на семейный совет, посвященный ее будущей пропащей жизни. Совет будет длиться долго, ведь мужчины-арабы молчаливы, как домохозяйки на рынке.

Дядя на ходу нервно растирал костяшки кулаков, словно показывая, что при случае и врезать ей готов. Тут у девушки случилось прозрение, как прямо здесь и сейчас решить проблему с опасным родственником. Хвала Аллаху! Пока дядя, проклиная шайтана за мертвые лампочки в коридоре, ковырялся ключом в дверном замке, она критически осмысливала план боя.

Длинное глухое платье, конечно, не самая удобная экипировка для бойцовского клуба. Черную одежду, закрывающую тело с головы до пят, портные начали шить арабским девушкам много веков назад, чтобы они могли растворить-

ся в темноте, когда в город среди ночи врываются насильники-крестоносцы. Однако сейчас она и не думает бежать, а напротив, как отважная Аиша, вдова пророка Мухаммеда – да благословит его Аллах и приветствует, – планирует полный разгром врага. Аллаху акбар!

Во-первых, проникающему удару коленом в пах может помешать изогнутая джамбия. В горах у каждого мужчины из-за кушака вяленой кожи обязательно торчит большой кинжал. Этот клинок в широких ножнах может уберечь достоинство дяди Шейха, как защитный бандаж боксера на ринге. Во-вторых, нельзя позволить близкому родственнику выхватить клинок из ножен. Даже простой порез или царапина могут доставить ей серьезные неприятности, поскольку мужчины каждый день используют ножи за столом – срезают вареное и жареное мясо с костей животных, и глупо думать, что лезвия после обильных трапез стерилизуют. И в-третьих, очень важная проблема! Как приблизиться к мужчине на короткую дистанцию так, чтобы он не почувствовал угрозы? Из семейных пересудов ей было известно, что сразу после смерти тринадцатилетней жены старый ишак пустился по дороге шайтана: подолгу пропадал в морском порту Адена в ночных клубах с танцами живота, а в столице часто захаживал в подпольные заведения китайцев. Полиция регулярно вешает на их бордели замки и выводит на дверях красной краской суровое слово «харам»², но уже через пару дней узкоглазые су-

² Строгий религиозный запрет (*араб.*).

тенеры, смягчив руку полицейскому начальству, замазывают белилами алую надпись, и китайские шлюхи вновь открывают бесстыжие объятия местным нечестивцам. Несколько лет назад шестидесятипятилетний дядя Шейх снова женился – теперь на пятнадцатилетней, – но вряд ли этот потаскун успокоился.

Мужчина наконец открыл замок, и они зашли в кабинет чиновника средней руки времен распада государства. Огромный письменный стол-падишах и шесть диванов – друзей падишаха, разлегшихся вдоль стен. Перед каждым диваном низкие столики с кривыми ножками, как рабы, вставшие на четвереньки перед господами. На грязных спинах невольников тяжелые пепельницы, набитые окурками, и чайные стаканчики на бронзовых подносах. На стене за письменным столом светлело пятно от портрета президента, еще недавно воображавшего себя неснимаемым. На толстом ковре следы засохшей рвотной массы; рядом использованные шприцы с ампулами и горки скомканных бурых бинтов. В кабинете оказывали первую помощь раненым сотрудникам аэропорта после бомбардировки самолетов, прилетевших из соседней Саудовской Аравии. На улице жарыща; сколько же здесь градусов при давно сдохшем кондиционере? И еще спертый воздух и вонь. Наверное, именно так пахнет изо рта шайтана. Дядя издал звук, словно его тошнит, и бросился к окну, хотя ранее Бенфика думала, что он еще крепкий орешек.

– Скажите, а как вы узнали, что я поехала в аэропорт? – спросила девушка, глядя, как дядя дергает заевшую задвижку окна.

Зловонный воздух ее не смутил, лишь на мгновение она поднесла рукав платья к лицу. Сила воли плюс капля стойких духов: перец и роза.

– Ну наконец-то, хвала Аллаху! – Дядюшка открыл окно и высунул голову наружу.

– Вы слышали мой вопрос, дядя? – Зеленые глаза девушки сузились и снова потемнели.

– А где тебя еще искать? – ответил мужчина, не слишком удивляясь ее наглости. – В свое время Османская империя не потрудилась протянуть Хиджазскую железную дорогу до нашей столицы, а до морского порта Адена по нынешним временам даже ты бы не доехала. Но к чему эти глупые вопросы? Сейчас я запру за собой дверь, и ты будешь сидеть здесь! Давай сюда рюкзак с ножами!

– Хорошо, но как, находясь в столице, вы узнали о том, что произошло в горах? Там же нет мобильной связи.

– Не морочь мне голову, Бенфика! Парни написали эсэмэс и подкидывали мобильники, покуда аппараты не поймали сигнал с далекой вышки, и тогда целая туча эсэмэс прилетела на мой телефон в столицу. Хвала Аллаху! Давай сюда торбу!

– Подождите, дядя Шейх. Мы же здесь одни, ну куда нам спешить?

Она сняла с плеча тяжелый рюкзак и аккуратно положи-

ла на пол. Сильно двинула ногой в направлении дяди, правда немного в сторону. Старые клинки в мешке брякнули побоевому, как гонг на ринге. Потом девушка легко и быстро скинула через голову длинную абайю и бросила на рюкзак. На ней оказались красные шелковые трусы-боксеры, алый топ и белые кеды на босу ногу. Кожа у Бенфики гладкая и смуглая, словно зерна кофе матари легкой обжарки. Фигура атлетическая, но стройная. Гленн, инструктор по боевому джиу-джитсу, наемник и циник, иногда выдавал забавное: «Ты одинаково неплохо смотрелась бы на обложке не только журнала “Ринг”, но и “Плейбой”...» Дядя Шейх, глядя на внезапно раздевшуюся перед ним племянницу, выпучил глаза и открыл рот. Бенфика сделала три быстрых скользящих шага и встала к дяде почти вплотную. Кажется, мужчина хотел ухватить ее за обнаженные смуглые плечи, но тут она сдвинула рукоять кинжала в сторону, схватила за пояс из вяленой кожи и сильно ударила коленом в пах. Скорее всего, внезапная нежность близкой родственницы показалась Шейху подозрительной, и в момент удара он успел повернуться к ней боком. Колено попало в пустоту, и она еле устояла на ногах. Мужчина извернулся и без слов вlepил короткую тяжелую пощечину, так, что голова девушки загудела. В отчаянии она отступила назад и обнаружила в своих руках дядину джамбию. Старик попытался нагнуться за упавшим с плеча автоматом Калашникова. Бенфика перехватила кривой клинок обратным хватом и с яростным выкриком ударила пра-

вым боковым в область подбородка.

– Аллаху акбар!

Кулак с зажатой рукоятью лишь слегка задел челюсть мужчины, но длинное изогнутое лезвие скользнуло по шее и перерезало сонную артерию. Кровь брызнула на девушку и тут же залила грудь и живот. Дядя заклокотал горлом и упал на колени. Он пытался зажать обеими руками рану, но кровь хлестала и хлестала быстрым ручьем сквозь пальцы, и старик рухнул лицом в пол. Бенфика присела на корточки, положила клинок на ковер и бросилась прочь из кабинета. Сделала несколько быстрых шагов по пустому душному коридору, но вдруг с ужасом вспомнила, что находится в аэропорту хоть и плохонькой, но все же арабской страны – в одних трусах и лифе. Хорошо, что в большом здании после революции сэкономили на электричестве. Девушка остановилась, сделала три глубоких вдоха-выдоха и вернулась в кабинет. Подхватила с пола и натянула на тело мокрое от пота и чужой крови платье. Достала из рюкзака пакет с гигиеническими салфетками, наспех вытерла руки и лицо. Стянула с головы хиджаб и смахнула с темной эластичной ткани красные капли. Совершая эти простые движения, она не отрываясь смотрела на дядю Шейха. Наконец она решилась и, снова присев на корточки, с трудом, в несколько приемов засучила правый рукав пиджака и рубашки убитого родственника. Кажется, она не поверила своим глазам и, подняв смуглую руку мертвеца, провела ладонью по ее внутренней стороне

ниже локтя.

– Не может быть... Где же татуировка? О, прости меня, Аллах...

Словно в ответ дядина конечность неожиданно дернулась (как известно, тело мертвеца может хаотично двигаться в течение нескольких часов), и девушка ее отпустила. Встала, закинула рюкзак за спину и вышла из кабинета, зло хлопнув дверью.

Дядя Яруб, старший диспетчер столичного аэропорта, помогавший ей купить дефицитный авиабилет, терпеливо дожидался у выхода на таможенный контроль.

– Скорее, госпожа Бенфика! Самолет может улететь! Трап уже хотели отгонять, но я приказал диспетчеру на вышке подождать еще чуть-чуть!

Какой же дядя Яруб славный, а еще терпеливый! Покойный отец часто с ним общался. Друзья с юности – оба тонкие ценители древних клинков – обычно встречались в лавке величайшего оружейника страны Абдуллы бен Узейри и подолгу с наслаждением обсуждали невероятные истории редчайших кинжалов династии Тахиридов.

Старший диспетчер взял паспорт девушки, и они помчались по обходным узким коридорам аэровокзала, минуя пограничников и таможду. Старик оставил ее лишь на минуту – поставить штамп, свидетельствующий о том, что госпожа Бенфика покидает родину. Потом они бежали по рас-

каленной бетонке к ревущему Ил-18. Пропеллеры самолета крутились как бешеные, и примерно так же колотилось сердце девушки. Перед самым трапом в руках у дяди Яруба, как у дервиша, показывающего фокусы на базаре, появилась маленькая бутылка воды и пачка бумажных салфеток. Она благодарно кивнула и стала быстро подниматься по шаткому трапу, на ходу вытирая щеки, и белые салфетки тут же становились красными.

2

Двумя днями ранее в столице

По кривым улицам древнего города Саны, по истертым тысячелетним камням слоняются мужчины с бесстрастными лицами. Ждут вечера. Ни один уважающий себя основательный йеменец вроде дяди Шейха ни за что не станет жевать дурман-траву с утра пораньше. Нет, только во второй половине дня, когда жаркое солнце напечет темечко маленького оборванца, разносящего приторную арабскую кока-колу на базаре, дядя Шейх наконец с облегчением зашагает в узкое пятиэтажное жилище, сложенное предками из крепчайших базальтовых плит и обожженного кирпича. На первом этаже он скинет шлепанцы и помоеет ноги; на втором – обнимет и поцелует молоденькую красавицу жену; на третьем одобрительно потреплет маленького сынишку, ползающего рядом с автоматом Калашникова (пускай привыкает к оружию!); на четвертом усядется перед скатертью-самобранкой с вареными цыплятами, горячей бараниной, стопой свежих лепешек, зеленым чаем, а также домашним лимонадом из лайма и мяты – и только потом, с вдохом и выдохом на каждой почерневшей за четыреста лет ступеньке, бормоча «Аллах, Аллах...», поднимется на пятый – в просторную полутемную комнату «мафрадж», где мужчины наслаждаются свежей дурман-травой и обсуждают важные проблемы. У

каждого приличного гражданина северного Йемена – землевладельца, офицера полиции, стоматолога, генерала или попрошайки на мировом рынке, называющего себя президентом страны, – обязательно есть мафраддж, в котором всегда приятно думать, что на улице невыносимо жарко. Здесь обязательно прохладно из-за хорошо продуманных древними строителями крохотных вентиляционных окошек. Через них и женщине не грех на улицу поглазеть (без опаски быть увиденной чужим мужчиной), и при нападении врага их как бойницы можно использовать.

Сегодня в мафрадже собрался Совет во главе с новым лидером племени – дядей Шейхом.

В комнате для мужского отдыха традиционно отсутствует всякая мебель. На полу лишь старинные ковры ручной работы – тонкие, спокойных, некричащих оттенков. После трудного дня десять мужчин сидят, скрестив ноги, или полулежат на маленьких подушках, расшитых простыми орнаментами. Их калашниковы рядом. Автоматическое оружие у горцев всегда под рукой – в кофейне за кальяном, на приеме у зубного врача и даже в школе на родительском собрании. Где-то далеко над землей парят поезда на магнитных подушках, а в этой стране до сих пор садятся на ишаков и пускаются в спор, какой калашников лучше: советского производства за три тысячи пятьсот долларов или китайский за семьсот. Суть дискуссии в том, что последний становится слишком горячим при стрельбе очередями.

Перед каждым членом Совета целлофановый пакет, набитый дурман-травой. Пальцы привычно теребят зеленые листики, нащупывают упругие кончики веток, разламывают брызжущее соком растение и кладут в рот. Зубы усердно пережевывают зеленую массу, превращая ее в комок, затем смачный кругляш надолго перемещается языком за щеку. Члены Совета сладко дуреют, но и о повестке дня не забывают. Главное на сегодня: как с максимальной выгодой распорядиться коллекцией кинжалов, оставшихся после умершего вождя? Оценщики подтверждают, что клинки эпохи халифата Аббасидов стоят не менее трех миллионов долларов США, а то и дороже.

Есть разумная идея: раритетные ножи продать, а на вырученные средства обновить оружейный арсенал всего племени (это более сотни семей). Пистолетов и автоматов – навалом, а вот «ручных ракет» и тяжелых пулеметов почти нет, а это никуда не годится. Уважающий себя горский клан должен быть всегда готов и к скоротечному бою с соседним племенем, и к затяжной войне с государством.

С незапамятных времен клан Зубейра владеет землей в местности Архаб. В семидесятые в Архабе был построен столичный аэропорт, и долгие годы племя получало от центрального правительства солидную ренту. После недавней революции началась чехарда с президентами и власть оказалась в руках религиозной военизированной организации Хуси, быстро подмявшей под себя почти всю страну. За аренду

земли свирепые хуситы платить, понятное дело, отказались. На днях, когда старого вождя доконала грудная жаба, выяснилось – казна пуста и племя к тревожным временам не готово.

В прохладной комнате мужской разговор течет медленно, уважительно – без встрясок. Немного поговорили о проблемах на блокпостах, где теперь круглосуточно болтаются отмороженные подростки этих самых Хуси. Начитанный дед Юсуф сравнил хуситов с хунвейбинами времен Великой китайской революции. Спорить с фанатиками действительно невозможно. Пулю в живот они влепят желающему подискутировать так же просто, как выкрикнуть: «Смерть Америке и Израилю!» У них такой девиз на флаге вышит. Повздыхав, члены Совета пришли к выводу, что Хуси еще опаснее «Аль-Каиды»³. Ситуацию запутывало то, что эти две структуры – непримиримые враги по вере.

Дядя Шейх смотрел на деда Юсуфа снисходительно. Этот пескоструйщик только что проиграл ему голосование на выборах нового вождя. А еще старикашка Юсуф, также маскирующий седину черной краской, выглядел куда более нелепо, чем сам дядя Шейх.

– По радио передавали, две провинции страны уже полностью под контролем «Аль-Каиды», – после недолгой паузы произнес дядя Шейх. – Обращаюсь к Аллаху, отдалив себя

³ Международная террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

от проклятого шайтана!

– Наше племя не должно покрывать террористов! Это для нас позор, мы должны воевать с ними! – горячо заявил сын деда Юсуфа, молодой здоровяк по имени Банан⁴.

Крепыш учится в магистратуре в далекой Франции, а домой приехал на каникулы. В Совет его приняли авансом, уступив утомительным интригам деда Юсуфа.

– В «Аль-Каиду» приходят только заблудшие души! – Дядя Шейх поморщился и поднял вверх крепкий мизинец с длинным ногтем. – У них сидит в голове, что типа у нас в руках ключи от рая, еще немного, и мы будем там! Но они либо тупые, либо им американцы деньги платят. Пускай Хуси с ними разбираются. А нам следует держаться от тех и других подальше!

– Вы слышали историю семейства Дахаб? – снова подал голос неугомонный дед Юсуф. – В их семье старший брат стал эмиром «Аль-Каиды», и его отряд захватил город Рада. Он потребовал от властей страны освобождения родного брата. Тот сейчас сидит в тюрьме у сирийцев за какие-то устроенные в Дамаске взрывы. Было много переговоров, и наконец сирийцы согласились парня отпустить. Но ветры дуют не так, как хотят корабли. Все договоренности пошли прахом, поскольку в захваченный город пробрался их третий брат, самый младший в семье, и, невзирая на родственные связи, зарезал старшего брата, эмира «Аль-Каиды». Млад-

⁴ В арабском мире это слово означает «Пальчик».

ший оказался офицером госбезопасности. Вот ведь как бывает! Аллах выше каких-либо недостатков!

– Отец, и что потом случилось с этим офицером? Террористы должны были его на куски разорвать! – крикнул Банан. Парню явно не хватало степенности.

– Говорят, остался жив. У него одной ноги нет, но при этом его позывной «Стайер»...

– «Стайер»?

– Да, «Стайер». Наверное, одноногий бегаёт на протезе хорошо, вот и выжил.

Дядя Шейх раздраженно посмотрел на деда Юсуфа. Старикашка наверняка рассказывал сыну эту занимательную историю – известный болтун, он не смог бы удержать ее в себе, – и сейчас папаша и сын пытаются приподнять пошатнувшийся авторитет после проигранных выборов.

Дело шло к вечерней молитве, когда наконец приняли решение. На днях самые надежные мужчины племени отправятся в горную деревушку Хораз, на тамошний оружейный рынок. Сам базар давно ликвидирован, но на окраине Хоразы живет толковый дальний родственник – бывший главный врач расформированной Республиканской гвардии. У него имеется комплект тяжелого оружия с правительственных складов, разграбленных во время революции. Вместо долларов ему по телефону предложили коллекцию ценных кинжалов, и он согласился. У предприимчивого военврача прямая выгода: древние клинки он конвертирует в чемо-

дан американской валюты быстрее, чем громоздкие ящики с оружием. Зовут делягу – майор Баха. В довесок он попросил себе в жёны Бенфику – зеленоглазую дочку умершего вождя. Майор Баха и раньше о ней заговаривал; оказалось, девица ему очень нравится. Хвала Аллаху! Здесь, в столице, от беспокойной злюки одни только хлопоты. До революции Бенфика была популярной ведущей на телевидении армии Йемена. По званию капитан госбезопасности. Красивая и умная. Стреляет хорошо и готовить вкусно умеет... Банан вдруг заявил, что телевизионной звезде жизнь в глухомани вряд ли придется по душе и вообще «этот план по отношению к родственнице за рамками современной морали». Члены Совета вопросительно уставились на нового вождя. И дядя Шейх заткнул студентика из Франции на раз-два-три, то есть вполне аргументированно. Суженого в столице девушке найти не смогли. Кому нужна супруга – офицер контрразведки, да еще с навыками боевого джиу-джитсу? К тому же ей двадцать пять, а нарасхват у горцев только девочки до четырнадцати, то есть Бенфика – старая дева, и для нее это последний шанс. Банан хотел что-то сказать, но, посмотрев на отца – деда Юсуфа, промолчал. К тому же майор Баха сумел наворовать столько оружия, что обеспечит осиротевшей родственнице роскошную и безбедную жизнь.

Да и как бонус – свежий горный воздух.

В пыльном джипе, ползущем в гору, вкусно запахло кофе.

Молодой соплеменник предложил ей напиток из термоса в походной чашке. Скорее всего, здоровяк учится в Европе, ведь йеменцы давно перестали пить кофе. Ароматная приписка «Эфиопия – мама кофе, а Йемен – его отец» давно стала симулякром для туристов, да и те вряд ли рискнут появиться здесь в ближайшие лет пятьдесят. Раньше плодородные территории на севере страны были засажены кофейными деревьями, и не зря древние римляне называли эту часть полуострова *Arabia Felix*, «счастливой Аравией». К сожалению, в нынешние времена каждый клочок земли северного Йемена занят кустарниками «арабского чая», содержащего в себе эфедрин. Спрос на кат в стране огромный. Любой оборванец с толстой щекой, набитой травой-отравой, может гордо выкрикнуть с идиотской улыбкой: «Я зарабатываю двадцать тысяч риалов, но ката жую на двадцать пять!» Потомок средневековых убийц-ассасинов, легендарный миллиардер Бахрутдин, в молодости уехавший в Индию и возглавивший тамошнюю секту исмаилитов, периодически навещает родину и раздает деньги тем крестьянам, что, глядя ему в глаза, твердо обещают забыть о кате и вернуться к культивации кофе. Однако каждый следующий приезд доставляет обманутому старику филантропу лишь огорчения...

Об этом размышляла невеста Бенфика, глядя в окно джипа, чтобы отвлечься от своей горькой, как кофейное зерно, судьбы. Имя при рождении ей дали светское (в честь европейского футбольного клуба), а везут закутанную в черную

бурку, так что мрачного лица и глаз цвета драконьей зелени – не видно. На факультете госбезопасности она была лучшей в аналитике, но вот, оказалось, не сумела предугадать развала родного Управления контрразведки, да и краха государства в целом. Дура, конечно! Надо было уговорить отца эмигрировать в Португалию, ну или во Францию. Она могла бы устроиться на работу в тамошние спецслужбы и громить исламистские подполья в пригородах Парижа или Лиссабона. Хотя нет... Работать на иностранцев и помогать им ловить мусульман? Обращаюсь к Аллаху, отдалив нас всех от проклятого шайтана! Приличнее было бы заняться переводами на арабский в какой-нибудь скучной неправительственной организации. А иначе зачем в детстве столько зубрила португальский, английский и французский – никчемные в горах Аравии языки? Когда к власти в стране пришли радикальные Хуси, девушка пыталась говорить с отцом об эмиграции, но он и слушать не хотел.

– Что мне в Париже делать, Бенфика? – в сотый раз переспрашивал благообразный старик с ухоженной щетиной на твердом подбородке. – Ящик целыми днями смотреть? Ни друзей, ни знакомых... Были, конечно, хорошие друзья... женского пола в Лиссабоне, но сколько лет прошло с тех пор... Не поеду!

– Отец, если ты не хочешь в Европу, давай поедem в Мали, к маминим родственникам – туарегам? Я вот в Тимбукту никогда не была. Да и вообще нигде не была...

– Ну уж нет, у африканских бедуинов в доме командуют женщины, а это никуда не годится. Ты меня оскорбить хочешь? Я чистокровный араб, и такому позору в моем мире никогда не бывать. А здесь, Бенфика, все постепенно образуется. И снова будет у тебя работа. На твой век бандитов и террористов ловить не переловить. Сколько наша страна пережила в двадцатом веке, знаешь?

Отец принимался загибать длинные тонкие пальцы.

– В тысяча девятьсот шестьдесят втором шайка офицеров скинула нашего короля Мухаммада аль-Бадра! Потом роялисты еще почти десять лет воевали с республиканцами, и твой дед погиб от подлого удара ножом в спину сразу после пятничной молитвы. Вот скажи, сколько неудачников-президентов у нас было?

– Все до единого, – произнесла Бенфика хмуро. Она сидела напротив отца в домашней библиотеке и разглядывала потускневшие корешки книг, собранные со всего Аравийского полуострова. Увы, в самой интеллигентной семье у арабов дочери не имеют права перебивать отцов, даже если те несут несусветную чушь.

– Президент Абдалла ас-Саляль свергнут и приговорен к смертной казни! – не унимался отец. – Президент Ибрагим аль-Хамди застрелен с близкого расстояния в своей резиденции, и никто не знает причины! А я с его братом в одном классе учился... Президенту Ахмаду аль-Гашими принесли портфель с секретным посланием от южан, и этот «дипло-

мат» взорвался вместе с фельдъегерем и главой государства. А еще мы двадцать лет воевали с Югом... Знаешь, сколько раз наш дом был под обстрелами различной интенсивности?

Бенфика принялась повторять про себя иностранную скороговорку, позволявшую сохранять самообладание: *Trois tortues à tristes têtes trottaient sur trois toits très étroits*⁵.

– ...Восемнадцать раз наш особняк обстреливали только в двадцатом веке! – кипятился отец. – И ничего, стоит дом... Поэтому не надо так переживать, дочка, по поводу каждого госпереворота! Аллах велик! Я сам участвовал в войне с проклятой Эритреей за остров Ханиш. Помню, идем мы на корабле к их побережью, все пушки заряжены и готовы к бою, штормит страшно, качает...

– Папа, прекрати! – не выдержала Бенфика. – Я с тобой пытаюсь серьезно говорить, а ты меня историей лечишь! Извини, но я сама все подробности знаю вплоть до Химьяритского царства! Почему ты каждый раз важный разговор в сторону острова Ханиш уводишь?

Она замолчала, заметив, что смуглое лицо отца пошло пунцовыми пятнами. Он барабанил по дубовому столу пальцами, словно по клавишам пианино. Девушка поднялась из кресла и быстро достала с книжной полки иллюстрированный журнал.

– Я показывала тебе этот номер «Эсквайра»?

– Да.

⁵ Три черепахи с грустным видом шли по трем очень узким крышам (фр.).

– В нем интервью с нашими йеменскими девушками.

– Помню. Там их фотографии, но они свои лица хиджабами закрыли. И что?

– Позволь, пап, я чуть-чуть процитирую. Вот что говорит в интервью студентка Вафаа: «Единственное, что мне нравится в хиджабе, – это то, что девушка может смеяться, когда захочет, потому что ее лицо спрятано. Если бы надо было превратиться в животное, то это была бы птица, чтобы я могла свободно отправиться куда бы я ни захотела».

– Бенфика, зачем ты мне это читаешь?

– А вот что сообщает английскому фотографу наша студентка Наима: «Одним из главных качеств будущего супруга должно быть богатство, чтобы мы могли отсюда уехать. Мне постоянно снится, что меня застрелили на демонстрации протеста на главной площади. Мой скрытый талант: я умею танцевать хип-хоп».

– Бенфика, я сейчас рассержусь. К чему мне все это снова слушать?

– Извини, папа, а вот что сообщает иностранному журналисту наша студентка Ильхам: «Мне постоянно снится, что я не отсюда. Что я живу в Европе. Я учительница во Франции или Германии, и у учеников желтые волосы. Я учу их исламу. Все женщины в моей семье должны носить хиджаб. Если бы надо было превратиться в животное, то это была бы рыба, может быть очень большая, но в то же время очень быстрая. Потому что в море много мест, где можно спрятаться, оно

больше, чем суша. Я бываю на океане со своей семьей, но мне приходится плавать в одежде».

– Бенфика, ты хочешь сказать, что наши молодые соотечественницы глубоко несчастны и хотят эмигрировать куда подальше, так?

– Я хочу сказать, что позавчера одну из этих девушек вычислили, несмотря на закрытые платками лица, и новые власти Хуси приговорили ее к наказанию: девяносто девять ударов плетью! Им не понравились интервью. Темные люди без образования, налетевшие из пустыни и оккупировавшие столицу, теперь решают, что могут сказать студентки университета, а что нет. И ты меня пытаешься убедить, что скоро ситуация в стране изменится и я снова буду ловить преступников? Окей, но ты понимаешь, что отныне в нашей стране экстремистами являются не Хуси, а эти студентки?

Вождь племени в ответ только тяжело вздохнул, а через несколько дней у него случился очередной и на этот раз последний сердечный приступ. И вот отца нет, а родственники везут ее, офицера госбезопасности, менять на пулеметы и ракеты. Называют себя правоверными мусульманами, а уже с утра кустики ката жуют, как ослики. Дрейфят, наверное, что в деревне Хораз на неприятности могут нарваться.

Охранник снова предложил кофе из термоса, но Бенфика отказалась.

Лет десять назад этот парень – красный от смущения подросток с забавным именем Банан – подходил поздравить ее с

золотой медалью национального первенства по кикбоксингу среди девушек. Она тогда удивилась его смелости и почувствовала, что сильно ему нравится. Сам он, кажется, занял третье место или вовсе проиграл. Потом куда-то пропал, видимо, действительно уехал учиться в Европу. Ну а теперь заигрывать поздно – Бенфику замуж везут выдавать.

Пока свадебный конвой с людьми племени карабкался в горы, у оружейного «барона» майора Бахи проходила непростая встреча с бойцами «Аль-Каиды». Точнее, сам Баха в разговоре не участвовал. Он неудобно лежал на животе со связанными руками и ногами, уткнувшись лицом в собственную рвоту. Майор уже дважды описался в белые наглаженные брюки, поскольку мысль о том, что в ближайшие минуты ему отрежут голову, была невыносима.

Моджахеды сидели кружком на тонком цветастом половике в центре гостиной, в приятной прохладе большого холостяцкого дома, и пили чай. По наводке командира, высокого блондина с медной бородой, они только что добыли первоклассное оружие. Хвала Аллаху! Осталось немного отдохнуть, убить толстого кяфира, и можно возвращаться из горной местности на базу – на юг страны к морскому побережью.

Беседа между террористами шла откровенная, ведь майора Бахи для них больше не существовало.

– Честно говоря, братья, в первые минуты атаки я испу-

гался, – сказал маленький толстяк с пунцовым лицом. Он часто вытирал лысину платком в красно-белую гусиную лапку. – Бежать не могу, очень давит в груди. Как будто жабу проглотил. Паника быстро наступает. Боюсь вас подвести! Давайте при будущих атаках я на миномете стоять буду?

Все мужчины одеты почти одинаково: камуфляжи песочного цвета, на головах бело-зеленые и бело-черные платки, кобуры с пистолетами, боевые ножи, высокие пустынные ботинки или шлепанцы на босу ногу.

– Значит, думаешь, у тебя высокое давление, брат? – уточнил большой африканец с широким лицом цвета баклажана и бородой, выкрашенной хной в ярко красный цвет. – Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана!

– Да, скорее всего, давление, очень мучаюсь, потею постоянно, и лицо горит, как на пожаре, – ответил коротышка. – Может, это все из-за лишнего веса и расшатанных нервов?

– Тебе нечего стыдиться, брат, все наши моджахеды понимают, ты свои болезни не на курорте заработал, а у проклятых америкашек в тюрьме Гуантанамо, – ободряюще сказал большой африканец.

– Спасибо, брат, тебе за поддержку.

– Не переживай, брат, ты уже в возрасте, но какой еще шустрый! Во время недавнего штурма ты проявил себя как сильный воин! Самолеты потом целый день выискивали нас среди оливковых деревьев и бомбили страшно. Ну ничего, зато выпались денек среди оливок. Хвала Аллаху!

В разговор вступил эмир отряда. Его длинные белые волосы были гладко зачесаны назад и убраны в длинный хвост, как у западного рок-музыканта:

– А помните, братья, у нас был врач из Узбекистана? Он советовал сердечникам почаще делать кровопускание. Много-много маленьких надрезов скальпелем на коже. Уверен, мой болезненный брат, такая процедура тебя быстро вылечит! И еще надо чаще молиться и читать Коран. Аллах велик!

Коротышке показалось, что эмир его троллит. Тогда он еще больше покраснел и сделал непонятное движение – то ли отрицательно покачал головой, то ли кивнул в знак согласия.

– Эмир, я читаю Коран в любую свободную минуту. Без молитвы жить не могу... И все же вместо того убитого узбека нам надо найти квалифицированного врача. Он будет зашивать раненых и заодно меня проконсультирует. Но конечно, на все воля Аллаха!

У связанного по рукам и ногам майора Бахи, истекавшего на полу вонючим потом, вдруг появился шанс на спасение. Какие надрезы? Какое крово-пускание? Что за ретроградство? О Аллах, о чем они говорят? Что за чушь несут? Мысли Бахи разбегались, как жуки-носороги в дупле мертвого дерева. Надо сообщить толстому бандиту, что у него ишемия и, возможно, предынфарктное состояние! В голове майора бушевала песчаная буря, но вот-вот должен был появиться просвет. Наконец мысли в голове Бахи начали во-

дить более осмысленные хороводы. Он бы посоветовал вместо чая и кофе заваривать траву пустырника с листьями смородины и ежевики. Еще хорошо делать выжимку из лимона, чеснока, меда, прополиса и принимать по столовой ложке два раза в сутки, рано утром на голодный желудок и вечером перед сном. Баха хотел сообщить террористам, что является майором медицинской службы и способен консультировать по любым проблемам со здоровьем. Однако липкий пот заливал глаза, нос не дышал из-за попавшей в него рвоты и болезненный комок застрял в горле. Вместо четкой и понятной фразы с предложением о сотрудничестве наружу вырвалось лишь жалкое сипение.

Эмир оглянулся на него и, словно сожалея о давно запланированном, но по рассеянности забытом деле, нахмурил высокий лоб. Потом быстро поднялся, вынул из деревянной кобуры длинноствольный автоматический пистолет и негромко произнес:

– Аллаху акбар! – и дважды выстрелил в голову майора Бахи.

– Эмир, ты же обещал, что я отрежу ему голову ножом, – недовольным басом произнес краснобородый африканец.

– Брат, ты посмотри внимательно. Видишь, неверный описался, – невозмутимо сказал командир. – Может, ты хотел увидеть, как кяфир наложит дерьма в белые брюки? А кстати, почему он в белом костюме расхаживал? Ждал гостей? Все, братья, сворачиваемся. Нам нужно без проблем доста-

вить груз на побережье. Мы не воевать сюда приехали. Иншааллах!⁶

Когда кортеж машин из столицы добрался до места, боевики уже исчезли. В горную деревню вернулась привычная тишина. Мертвый майор Баха лежал на террасе второго этажа родовой башни. В центре зала на ковре стояли стаканчики с недопитым чаем. Одни мужчины ринулись обыскивать пять этажей здания. Другие с яростными криками высыпали наружу и, держа автоматы на изготовку, принялись стучать в соседние дома и осматривать уползающие в гору узенькие раскаленные улицы, надеясь найти убийц дальнего родственника, а самое главное – нагло похищенное оружие.

Бенфика бросила любопытный взгляд на мужчину, лежащего на животе со связанными назад руками. Жених готовился к встрече с невестой самым трогательным образом, надев неудобный для жаркой страны европейский костюм и явно тесные лакированные штиблеты белого цвета. Она подошла к труп, перевернула двумя руками на спину и посмотрела в лицо майора. Десять лет назад он приходил к ним в дом у Соляного рынка, чтобы предложить руку и сердце ей, пятнадцатилетней девушке, но отец, не церемонясь, выставил Баху за дверь. Хвала Аллаху! Девушка недовольно поморщилась: перед казнью ее дважды несостоявшийся жених сильно потел и мочился в штаны. Она помедлила и, не сдер-

⁶ На все воля Аллаха! (араб.)

жавшись, задрала вверх рукав пиджака, а затем рубашки: посмотрела на сгиб правой руки пониже локтя. Немудрено, что кожа Бахи оказалась чистой – никаких татуировок.

– Он же по возрасту совсем не подходит, – сказала она тихо. – Ты психически ненормальная, Бенфика. Одержима навязчивой идеей. Может быть, никакого мужчины тогда на кухне и не было.

Она вышла на безлюдную улицу, залитую палящим солнцем, и осмотрелась. Мимо на ослике по камням процокал смурной паренек с автоматом устаревшего образца – с деревянным прикладом. Бенфика окликнула его и спросила, кто убил Баху. Юноша ткнул указательным пальцем в небо. Это был жест, принятый у исламистов: он означал непоколебимость веры в единственность Аллаха. Понятно, значит, жехниха навестили боевики «Аль-Каиды». Она вернулась к конвою запыленных белых пикапов, прижавшихся друг к другу на тесной дороге при въезде в деревню. Беззаботные родственники не потрудились развернуть машины для выезда и, конечно, не выставили охрану. Ох уж эти безалаберные арабские мужчины, всегда надеющиеся на «Иншааллах!». Бенфика быстро прошлась вдоль автомобилей – в каждом в замке зажигания торчали ключи. Но самое удивительное, что в головном внедорожнике на заднем сиденье лежал рюкзак с отцовскими ножами. Вот это да! Сколько у нее времени до возвращения родни – минута, две, три? Девушка посмотрела на тактические часы на руке и достала из мешка один из

клинков. Желтоватая рукоять из рога черного носорога, убитого тысячу лет назад в африканской пустыне, удобно легла в руку. Бенфика побежала вдоль машин. Садилась на колесо и сильными точными движениями прокалывала колеса пикапов. Не тронула шины только самого нового джипа, стоящего впереди колонны.

Быстро и уверенно развернувшись, девушка выехала на узкую дорогу, стекающую по горам вниз, к столице. Запас по времени приличный. В окрестностях нет ни одной шиномонтажной мастерской. Предупредить кого-то в городе быстро не удастся – мобильная связь в Хоразе не работает, а спутникового телефона в племени отродясь не было. Бенфика нажала на газ и впервые за утро улыбнулась. Ее имя – странное для арабского уха – на самом деле замечательное! В любом европейском городе, где живут фанаты футбола, его наконец-то оценят по достоинству.

Промчавшись на скорости по серпантинам восемьдесят километров, она стремительно зашла в столичный аэропорт, рассчитывая попасть на рейс в маленькую симпатичную республику Джибути, что по другую сторону залива. Сумки и чемоданы с приданым она бросила в горах. При себе самое необходимое: паспорт, толстая пачка сотенных долларов в непромокаемом пакете (личные накопления) и кожаный рюкзак с древними клинками. В Джибути она продаст раритеты и улетит в европейское, но чисто мусульманское

Косово. Там купит гражданство и отправится в свое первое путешествие по белому свету.

Полутемное душное здание столичного аэропорта было построено еще в те фантастические времена, когда ее страна принимала до полумиллиона туристов в год. Местные девочки разгуливали по йеменским улицам в коротких платьях и мини-юбках свободно, не боясь суровой кары за нарушение религиозного запрета, а юноши гуляли в шортах и джинсах. Богатые бездельники из США и Европы, положив перед собой на столики «лейки» и «полароиды», беззаботно потягивали крепкие коктейли в барах и ночных клубах, не опасаясь быть похищенными и убитыми. Наглядев-шись на шикающих заграничных гостей, ее будущий отец – молодой вождь племени Ахмед эз-Зубейра – тоже захотел ощутить себя «иностранцем» и первым из семейного клана собрался за границу. Его приятель, имам древней мечети Аль-Джами-аль-Кабир, что у Соляного рынка, посоветовал в первую очередь посетить Португалию, поскольку там «когда-то был мусульманский халифат». В Лиссабоне две местные красотки затащили симпатичного горца из никому не известного Йемена (португальцы считали, что это где-то рядом с Вьетнамом) на матч футбольной команды *Sport Lisboa e Benfica*. Вождь настолько впечатлился красотой спортивного шоу, что после матча в шумном ночном баре поклялся назвать дочь Бенфикой и спустя десять лет сдержал не совсем трезвое слово.

Дефицитный авиабилет дожидался девушку в кабинете старшего диспетчера дяди Яруба (она позвонила ему, когда спускалась с гор). Старик взялся сопровождать девушку в предполетную зону. Он оказывал ей уважение не только как представительнице племени, владевшего землей в местности Архаб, но и как старинный друг отца. Они собирались выйти из здания непосредственно к лайнеру в обход пограничного и таможенного постов, но тут рядом раздался голос дяди Шейха, дребезжащий, как плохо настроенный тараб⁷. Современная девушка слушать тараб ни за что не станет.

– Ассаламу алейкум, господин Яруб! Приветствую и тебя, госпожа Бенфика! – Дядя Шейх тарачился на них блеклыми глазками. – Позволь узнать, далеко ли ты собралась?

Какие странные дела... Утром во время «свадебной» поездки в горы она дядю Шейха не видела. Значит, он оставался в Сане, а одураченные родственники нашли способ сообщить новому вождю о ее дерзком побеге. И он помчался в аэропорт на перехват.

Дядя Шейх взялся за автомат Калашникова, висевший у него на плече, и повел дулом в направлении неподвижно стоявшей Бенфики:

– Ты, подлая воровка! А ну марш за мной!

Делать было нечего, и, оставив смущенного старшего дис-

⁷ Музыкальный инструмент из абрикосового дерева с натянутой поверх шкурой и струнами из козьих кишок.

петчера у грязного кафетерия перед входом в зону досмотра, Бенфика пошла с дядей через гомонящую толпу. Обидно! Очень обидно, что он назвал ее подлой воровкой! Коллекционированием холодного оружия в племени увлекался только отец. Он неделями пропадал в далеких горных селениях, а вернувшись с «добычей», немедленно отправлялся в лавку знаменитого оружейника Абдуллы бен Узейри, считавшегося главным знатоком и оценщиком старых клинков не только в столице, но и во всем северном Йемене. Она помнила, как папа получил первый инфаркт. Торгуясь за какой-то кинжал, он разглядел маленькую, но досадную трещину на рукояти из носорожьего рога и вступил в тягучий спор с хозяином лавки.

– Вот здесь маленькая трещина! – въедливо говорил отец.

– Да нет там никакой трещинки! – устало отвечал Абдулла бен Узейри, выступавший посредником в совершении сделки.

– Нет, нет! Здесь точно трещина, поэтому следует скинуть цену процентов на тридцать – тридцать пять! – настаивал отец.

И тут уважаемый шейх из провинции Марерб, стоявший позади, не торгуясь, подло предложил двести тысяч долларов наличными. Поистине это был нож в спину. Шейха из Марерба отец уважал, считал его хорошим приятелем. Хозяин лавки обрадованно надел узкие очки в золотой оправе, взял чистый лист и принялся выписывать паркером товар-

ный чек, а расстроенного вождя, схватившегося за сердце, увезла карета скорой помощи. Что и говорить, джамбии с многолетней кровавой историей были его страстью. Собранную за долгие годы коллекцию он считал своей собственностью, и никто в племени не смел это оспаривать. Его жена, красавица из знатной касты африканских туарегов, давным-давно умерла от укуса песчаной эфы. Братьев и сестер у Бенфики не было, и поэтому коллекция клинков должна была по праву достаться ей – единственной наследнице вождя. Однако члены Совета, сжевав несколько мешков дурман-травы, решили, что, поскольку джамбии приобретались на средства, выплачиваемые правительством страны за аренду земли в местности Архаб, принадлежащей всему племени, «значит, и кинжалы являются собственностью всего клана». Вердикт девушке зачитал сам дядя Шейх, захавший в родовой дом у Соляного рынка после утомительного заседания Совета. На правах ближайшего родственника он прошел прямо в домашний кинозал, где сидела Бенфика. Она приглушила звук, но кнопку «Стоп» на пульте не нажала и продолжала следить за действием на экране. Дядя помялся, откашлялся, хотел присесть в соседнее кресло, но не решился и остался стоять корявым истуканом.

– Я догадываюсь, что ты хотела бы взять фамильные ценности и уехать в Европу, – сказал дядя Шейх. – И очень хорошо, что я присутствовал при кончине моего несчастного старшего брата и немедленно изъял коллекцию из ваше-

го сейфа. Хвала Аллаху! Иначе бы тебя мы больше здесь не увидели.

Бенфика не отрывала глаза от экрана: там начальник тюремной охраны, омерзительный тип по имени Байрон, до смерти избивал одного из новоприбывших заключенных. Дядя снова помялся и скороговоркой сообщил, что Совет племени принял «еще одно мудрое решение».

– Надеюсь, ты будешь нам безмерно благодарна, Бенфика. Мы нашли тебе прекрасного жениха. Он наш дальний родственник. Зовут его майор Баха. Настоящий патриот и очень обеспеченный человек.

– День новый, дядя, а дерьмо старое, – сказала Бенфика по-английски, цитируя «Побег из Шоушенка».

– Что? – растерянно переспросил Шейх.

– Некоторых птиц в неволе не удержишь, – мрачно продолжила девушка уже на арабском. – Их перья слишком яркие. И, когда они улетают, часть тебя понимает: нельзя держать их взаперти. Но то место, где ты живешь, становится мрачнее после того, как они улетели.

– Бенфика, извини, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Или ты решила щегольнуть знаниями? Моей школой была не Военная академия, а долгая и опасная жизнь настоящего горца!

– Если бы вы были «настоящим горцем», то отдали бы мне по крайней мере два клинка из шести. – Бенфика повернула к старику голову, но с кресла не встала. – В память об отце. И

отпустили меня на все четыре стороны, и это было бы справедливо, по-родственному! Вы тоже имели доступ к деньгам племени, но, в отличие от папы, транжирили их налево-направо на всякие свои срамные делишки...

Новоиспеченный вождь племени покраснел, и его крашенные усы яростно зашевелились.

– Молчи, Бенфика, закрой рот! Обращаюсь к Аллаху, отдалив себя от проклятого шайтана!

– Нет! Не замолчу! – Она встала и теперь смотрела ему прямо в глаза. – Отец долгие годы занимался кропотливыми поисками по всей стране, по сути – настоящими историческими исследованиями, совершил сотни поездок в самые труднодоступные, порой очень опасные места и в итоге получил в коллекцию конкретно эти шесть кинжалов. А вы!..

– А я всегда помогал ему! Да! Клянусь Аллахом! – перебил старик, глядя то на племянницу, то на кинопроектор. – Когда твой отец раскатывал по стране туда-сюда, я ходил за тобой начиная с десятилетнего возраста! Следил, как нянька, чтобы нашу принцессу не украли! А сейчас мы нашли тебе прекрасного мужа, настоящего офицера и патриота! В решении Совета нет ни грамма корысти!

– И поэтому вы поставили внизу у дома трех вооруженных охранников, да? На самом деле вы боитесь, что я сбегу и нарушу условия сделки. А знаете что? Вы можете быть спокойны, я подчинюсь решению вашего крысиного Совета, поеду в Хораз и выйду замуж за вашего патриота... Но только

скажу напоследок, дядя Шейх, ваша жадность вас погубит.
Клянусь Аллахом!

На экране бывший вице-президент банка Энди Дюфрейн полз по нечистотам в канализационной трубе за ограду тюрьмы Шоушенк – на свободу.

3

Полет в Могадишо

Стюардесса, пухлая африканка в просторной абайе, молча ткнула пальцем в первое кресло бизнес-класса, и Ил-18 тут же покатил на рулежку. Бенфика застегнула ремень безопасности и наступила ногами на рюкзак, где лежал не протертый от крови кинжал. Ей вспомнился удивленный взгляд дяди Шейха в момент удара. Никогда раньше она не убивала людей. Пространные рассказы о том, как кто-то где-то кого-то лишил жизни, окружают йеменских горцев с детства. Истории насильственной смерти подаются слушателям всегда чуть небрежно, словно по заранее написанному сценарию. Трагедия predetermined! На все воля Аллаха! Но тут-то... Она подняла руку на мужчину! Да еще на ближайшего родственника, младшего брата отца... Ее передернуло и затошнило. Спросить бы сейчас у стюардессы бумажный пакет, но самолет, громяхая на стыках бетонных плит, всюю мчался по взлетной полосе, а бортпроводница сидела в соседнем кресле с закрытыми глазами. Пришлось снова сделать несколько медленных глубоких вдохов.

Однажды ее коллега из Отдела специальных расследований, майор с позывным «Стайер», рассказывал о гибели пятерых человек из-за пустякового недоразумения, связанного с незнанием иностранцами местных обычаев.

– В пустыню Шебуа приехали сейсмологи из-за границы и начали обустриваться: поставили палатки, развернули оборудование. Им помогали телохранители, нанятые еще в столице. Ты же знаешь, какие в пустыне Шебуа барханы? Как десятиметровые волны в шторм. На следующее утро к лагерю подъехали два белых джипа. Из первой машины вышел вождь влиятельной семьи Бинхарес. Важный тип в белоснежной рубашке, черном пиджаке и даже надушенный французским парфюмом. Шейх вежливо поздоровался с иностранцами, но они его в палатку не пригласили и даже холодной воды не поднесли... Он удивился и перешел к делу – предложил заплатить местный «налог» наличными за будущую сейсморазведку. А начальник экспедиции оказался упертым мужичком из Восточной Европы – из Венгрии или Украины. Он в наших традициях не понимал, ну и послал шейха в одно неприличное место. Толмач перевел более мягко: «Иди к своему шайтану и проси у него денег». Но и этого хватило за глаза. Местное племя Бинхарес никогда не оставит оскорбления без ответа. Шейх направился к внедорожнику, достал кольт «питон» и выстрелил в голову телохранителю, который заслонил собой иностранца – начальника экспедиции. В последовавшей перестрелке были убиты три охранника экспедиции и двое из свиты вождя, включая его шофера – любимого племянника. И теперь о разработке газового месторождения в той местности можно забыть на долгие десятилетия.

Майор потер ногу там, где начинался протез, и заключил:

– Не будет у нас прогресса, пока все наши местечковые шейхи не вымрут, как черные африканские носороги. Племенная гордыня или иностранные инвестиции? В одной чалме двух голов не бывает!

В соседнем кресле завозилась, закричала и с трудом поднялась стюардесса.

– Держи шоколадку, милая, и бутылку воды! – От толстухи пахло потом и хорошими духами.

– Мерси, мадам, мерси, – поблагодарила голодная Бенфика.

Она бы не отказалась сейчас от большой порции супа из бычьего хвоста и даже от саранчи, жаренной на углях, древнего иудейского блюда, до сих пор распространенного в горной местности на севере.

– Дамы и господа, говорит капитан корабля. Наш полет проходит на высоте восемь тысяч метров. Мы выполняем полет по маршруту Сана – Могадишо – Джибути. Над заливом возможна турбулентность, поэтому советую вам оставаться пристегнутыми ремнями безопасности в течение всего полета. Примерно через три часа мы приземлимся в столице Сомали. Хорошего полета!

Известие, что они сделают огромный крюк и полетят не в близкое Джибути, капелькой повисшее на переносице Африканского Рога, а сначала в Сомали, кишашее пиратами, племенными милиционерами и джихадистами всех мастей, Бен-

фику не удивило. Одна и та же местная авиакомпания может сегодня называться «Сомалийские авиалинии», завтра – «Аденские авиапути», а послезавтра объявится под именем «Восход солнца в Даало». АвиапЕРЕВОЗЧИК твердо гарантирует пассажирам, что самолеты обязательно окажутся Ил-18 или «Викерс Викаунт» с запахом вони из туалетов и плохо работающей вентиляцией, но он никогда не поручится, что путешественники, купившие билеты, попадут сразу туда, куда им хочется. Самолет, направляющийся в Южный Судан, может сесть сначала в Эритрее, поскольку у хозяина борта возникло срочное бизнес-предложение на перевозку партии пистолетов для повстанческой группировки «Гинбот 7» по заказу ее бессменного лидера и философа товарища Андаргачью Тсиджа. После Эритреи летчики, конечно, доставят измученных пассажиров в Южный Судан, но следует запастись терпением.

– Этот пыльный мир – твоя родина, бэби! – сказала Бенфика себе шепотом, передразнивая героя одного полузабытого спагетти-вестерна. Надо придать невеселым мыслям хоть немного джазовой бодрости. Она закрыла глаза и попыталась расслабиться, представив, что сидит не в продавленном кресле самолета, направляющегося в город Могадишо, а с книжкой в своей домашней библиотеке... Но под ухом грохотали четыре двигателя старого турбовинтового лайнера, а в салоне пахло сдохшим верблюдом – и фэнтези не запустилось. Похоже, она покинула свой дом, милый уютный дом,

сотни лет возвышающийся над Соляным рынком, навсегда.

Ил-18 еще не набрал необходимую высоту, а из кабины вышел рыжий мужчина с красным лицом. В региональных авиакомпаниях много бывалых пилотов из Восточной Европы. Какой араб согласится управлять старой машиной над горами и пустыней (ну если только он не стажер «Аль-Каиды»)? Последний порт приписки русских, украинских, белорусских ветеранов авиации обычно в Арабских Эмиратах. Там у них открыточные таунхаусы на третьей, второй, а то и на первой линии с видом на море (четыре спальни, три ванные комнаты!) и молодые ласковые жёны, выписанные через специализированные интернет-сайты из Таиланда. Судя по погонам на застиранной форменной рубашке, это был командир воздушного судна. Бенфика решила, что он похож на сильно постаревшего Филипа Сеймура Хоффмана из «Роковой восьмерки».

– Командир, скажите, после Могадишо мы сразу отправимся в Джибути? – спросила Бенфика по-английски.

– Очень надеюсь, мадам, что да, – добродушно ответил рыжий толстяк. – Нам надо заправиться в Могадишо, но ночевать в сомалийской столице не хотелось бы.

– Вы думаете, там сегодня неспокойно?

– Сегодня, мадам, не знаю, но на днях мы везли в Могадишо партию верблюжатины. По всей видимости, наши контрагенты ранее их обсчитали... конечно, по ошибке. Ну и на

подлете наш борт был обстрелян из тяжелого пулемета. Мы уходили на трех моторах, но ушли!

Бенфика хотела уточнить, на чем основывается уверенность командира, что сомалийцы позволят им сесть в своей столице сегодня, но тут самолет тряхнуло. Потом еще раз. Командир, стоя в проходе у двери кабины, улыбнулся смуглой девушке с красивыми зелеными глазами и сделал успокаивающий жест пухлой белой ладонью. Потом он отхлебнул воды так, словно это была не скучная пластиковая бутылка, а походная фляга с виски, взятая из седельной сумки взмыленного мустанга. Тут борт качнуло вниз настолько резко и сильно, что грузный пилот свалился в проходе. Ил-18 опустил нос и стал снижаться. Казалось, что вот-вот – и он сорвется в пике. Толстяк попятился и, с трудом развернувшись, заполз на четвереньках в кабину... Металлическая дверь осталась незакрытой и колотилась об косяк при каждой судороге большой железной машины. С первого кресла Бенфике были отчетливо слышны все переговоры экипажа. Пилоты из разных стран – они говорили на английском бешено быстро, но с разными акцентами.

- Отказ двигателя номер два.
- Запрашиваю снижение.
- Снижаемся. Эшелон 3-7-0. Сильная болтанка...
- Иду над горами. Высота три тысячи метров. Отказали два двигателя с правой стороны...
- Включаем *SOS*...

– Будем пытаться посадить на полосе в Дамаре. Она самая ближайшая, без вариантов...

– Кто там и что там?

– Неизвестно. Не отвлекаться, ребята... Спокойно, всё держим...

В салоне включилась внешняя трансляция. Голос по радио дергался в такт рывкам резко снижающегося лайнера.

– Говорит командир экипажа... По техническим причинам сейчас будем садиться в Дамаре... Ожидается жесткая посадка. Дамы и господа, затяните ту же ремни безопасности... Наклоните головы и обхватите колени руками...

Радио отчаянно хехекнуло и отключилось. Бенфика проверила затянутый до отказа ремень и послушно нагнулась. Глянула вбок на соседку-стюардессу. В отличие от нее, африканка полностью выпрямилась в кресле. Черное лицо лоснилось от пота. Бортпроводница улыбалась белозубой улыбкой и низким голосом читала шахаду – мусульманскую молитву перед скорой смертью.

– Я свидетельствую, зная, будучи абсолютно убежденной, что нет иного божества, достойного поклонения, кроме единственного Бога – Аллаха... Его раб и посланник, посланный им ко всему человечеству, чтобы научить людей истинной религии...

Дверь кабины стучала об косяк, как сумасшедшая. Девушка тоже мысленно прочитала шахаду и стала совершенно спокойна. Нелепо искать смысл в приближающейся авиа-

катастрофе после всего пережитого за день безумия.

– У нас скорость какая? Скорость какая?

– Высота две тысячи метров...

– Зачем затормозился, держи так, держи!

– Угол атаки. Нормально...

– Крутите вправо...

– Садимся в Дамаре...

– За кренами смотрите...

– Диспетчера на аэродроме нет. Что тут у них?

– Левая нога, крен убери. Спокойно...

– Держим, ребята, держим...

– Подтверждаю, визуально полоса в Дамаре свободна...

– Завожу на посадку...

– Шасси. Есть!

– Очень сильная болтанка, очень болтает!

– Так, держим, держим!

– Очень сильный ветер боковой!

– Прямая видимость. Внимательно, ребята!

Бенфика заставила себя переключиться и представила, как утром в горах ее родственники тупо глядели на спущенные колеса внедорожников, а потом до них дошло, что Бенфика угнала лучший пикап вместе с кинжалами, и они начали бешено строчить дяде Шейху отчаянные смс, а потом подкидывать в воздух мобильники в надежде, что те «подхватят» сигнал с далекой ретрансляционной вышки. Их новенькие айфоны и старые нокии падали и разбивались о кам-

ни.

Как их Ил-18 вот-вот... Большая машина ухнула в последний раз и вдруг коснулась колесами грунтовой полосы, «сделала козла» и ровно покатила по земле, словно при посадке в штатном режиме.

– Ну... сели, парни! Поздравляю!

– Командир... ну, командир, вы – мастер!

– Вы – супер!

– Парни, хорошо, что никто не растерялся. Мы все молодцы!

– С нас причитается, командир!

Включилась бортовая трансляция. Голос капитана перестал дрожать и звучал уверенно:

– Дамы и господа, говорит командир корабля, мы выполнили техническую посадку в аэропорту города Дамар. Сейчас будем выяснять, что произошло с машиной. Надеюсь, скоро мы продолжим наш рейс по маршруту Сана – Могадिशо – Джибути. От имени авиакомпании приношу вам извинения за переживания и доставленные неудобства.

Бортпроводница тяжело завозилась в соседнем кресле.

– Пойду, пожалуй, посмотрю на пассажиров, все ли в порядке. – Она смотрела на Бенфику как на давнюю знакомую.

– Извините, а можно вас спросить? – Девушка решила, что следует использовать каждый момент для познания этой удивительной жизни, вновь дарованной ей Аллахом. – Все были уверены, что разобьемся, но при этом вы улыбались.

Почему?

– Ладно, чего уж там, скажу тебе... Мой единственный сын бросил хорошую работу инженера и семью, ушел к террористам и взорвал себя рядом с новым кафе в Могадишо, где обедало полицейское начальство. Он стал шахидом, а я сейчас как дура обрадовалась, что скоро увижу его и поговорю по-матерински... Поругаю! Но Аллах решил иначе.

Самолет притормозил и остановился с утробным лязгом. Стало тихо. Бенфика посмотрела в иллюминатор. Вокруг типового здания провинциального аэровокзала ни души. Ветер нес по взлетке желтую пыль. На вышке управления полетами трепыхался не государственный красно-бело-черный флаг, а черный с белой вязью: «Нет Бога, кроме Аллаха». Более тысячи лет назад черный стяг поднял над войском недовольных крестьян бедняк Абу Муслим, впоследствии ставший наместником халифа на огромной территории от Персии до границ с Китайским миром. Теперь черное полотнище использует «Аль-Каида» и другие группировки глобального джихада. Следовательно, власть в городе Дамар принадлежит не государству, а боевикам. После атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке джихадистские ячейки редко называют себя «Аль-Каидой», чтобы не попасть под превентивные удары международной антитеррористической коалиции. Они принимают названия: «Армия ислама», «Исламский фронт» или «Защитники шариата», но суть не меняется. Для капитана госбезопасности (пускай даже бывшего)

встреча с исламистами означает смерть. И смерть лютую. Если они ее раскроют, конечно.

4

Падение в неверие

Из кабины выбрался второй пилот в расстегнутой мокрой рубашке, завязанной на животе по-деревенски, и несколькими отработанными движениями открыл пассажирскую дверь. В душный салон влетел горячий ветер, принесший мельчайший желтоватый песок и запахи сухой травы. Дышать стало легче. И у этого летчика были рыжие волосы.

Он посмотрел на красивую девушку, сидящую на первом кресле бизнес-класса:

– Очень вовремя сели, мадам, не находите? Пыльная буря начинается! На нас идет самум⁸!

Мужчина походил на рыжего Рона Уизли из Хогвартса, только в зрелом возрасте. Если и другие пилоты рыжие, значит, неведомый хозяин, набравший экипаж, наверняка фанат Артура Конан Дойла. Однако следующим из кабины буквально выскользнул черный как уголь африканец. Он потянулся, словно горный барс, мягко подпрыгнул на месте и закинул невидимый мяч в баскетбольную сетку, а потом подмигнул Бенфике:

– Видели, мадам, как мы сели? Высший пилотаж, не так

⁸ Сухой, горячий ветер пустыни, налетающий шквалами и сопровождающийся пыле-песчаными вихрями и бурей.

ли? Оценили? Кстати, меня Назар зовут. А вас?

Девушка в ответ лишь улыбнулась. Африканец не стал настаивать. Пригнувшись, ткнул пальцем за пределы откинутой двери самолета и сказал рыжему:

– Да, Борис, сели вовремя, однако не факт, что в безопасном месте. Глянь-ка на этих типов!

Бенфика посмотрела в иллюминатор. Из аэровокзала высыпали фигурки в пустынных комбинезонах. Быстрыми и слаженными движениями они напоминали муравьев-бегунков. Только за спинами и в лапках у них были не травинки и семена, а автоматы и ручные пулеметы. Четверо боевиков с лицами, замотанными темными платками, оттащили от стены и принялись толкать перед собой разболтанный трап устаревшей конструкции.

Перепады настроения погоды на Аравийском полуострове – как у безмятежно отдыхающей дикой барханной кошки, внезапно бросающейся на невидимую в песке рогатую гадюку. За секунды ветер усилился от слабого до сильного и тут же, немедля, до штормового. Джихадисты, пригнувшись, преодолевали силу горячего самума и упорно продолжали движение к самолету. Светло-желтая песчаная река, обтекающая Ил-18, заколыхалась и за пару минут превратилась в бушующее море. Допотопный пассажирский трап перевернулся, и его потащило по полю вместе с боевиками. Они пытались удержаться на месте, но тщетно: буря вырвала из их рук и мгновенно проглотила хлипкую металлическую кон-

струкцию. У остальных воинов джихада также не получалось устоять на ногах. Они упали на четвереньки и поползли обратно к аэровокзалу.

Массы песка неслись с огромной скоростью. Небо – безмятежное голубое еще пару минут назад – стало коричневым и через несколько мгновений почти черным. Унизительная для моджахедов картинка в иллюминаторах погасла, дверь задраили, и сразу стало тихо. Измученные путешественники ходили, разминая ноги, по салону и еле слышно переговаривались. Пилоты сидели в кабине. Из-за негерметично закрытой двери доносился запах крепкого табака. Чернокожая стюардесса протянула Бенфике бутылку с водой, черствую лепешку, четверть плитки шоколада и пакетик с орешками. Девушка съела все до последней крошки, запила водой, и в голове прояснилось.

За бортом по-прежнему не видно ни зги, но через час или два песчаный шквал унесется дальше по равнине, к горам. И повстанцы обязательно вернутся к самолету. Они потребуют у пассажиров документы и поставят у борта охрану до рассвета. Затем неторопливо изучат все изъятые паспорта. Утром всех загонят в аэровокзал и начнут выяснять, кто есть кто. Какова вероятность, что ее не вспомнят как ведущую телевизионных программ, выходивших на канале Министерства обороны на всю страну? Бенфика скептически относилась к своей популярности, но в столичных торговых центрах ее иногда узнавали. Были даже поклонники, сумевшие

узнать адрес их родового дома и посмевающиеся явиться туда, чтобы попросить автограф и сделать селфи с телевизионной звездой. Один из таких визитов закончился руганью, дракой, а потом и перестрелкой фанатов с ее родственниками. Моджахедам нет дела до того, что национальной контрразведки и армейского телевидения больше не существует, а Бенфика всего лишь бродяга – самурай, потерявший хозяина, как в фильмах Куросавы. Для исламистов связь с госбезопасностью – страшное преступление, сравнимое по тяжести только с куфром⁹. Срока давности за подобное падение в бездонную пропасть неверия не существует.

Года два назад Бенфика просто из любопытства решила поучаствовать в конкурсе на вакантное место ведущей телевидения Минобороны, чтобы добавить в цвет хаки немного других красок. У нее запоминающееся лицо, приятный грудной голос и прекрасная дикция. К тому же она из богатой и очень авторитетной семьи, владеющей землями, где находится международный аэропорт. Что и говорить, последний аргумент для конкурсной комиссии оказался настолько весомым, что Бенфика без труда обошла других конкурсанток.

Армейское телевидение занимало целый этаж огромного бетонного здания, стоявшего на окраине столицы и огороженного шестиметровым каменным забором с колючей проволокой. Лифты, конечно, не работали. В темных коридорах

⁹ Неверие в существование и единство Аллаха (*араб.*).

пахло дешевым табаком и беспросветным унынием. Повсюду висели агитационные плакаты с надписями: «Террористы сегодня – враги Аллаха, религии и Родины», «Террорист – враг своей души, религии и общества», «Поднимемся все на борьбу с терроризмом!» В первый же день работы один из старших офицеров Военного политбюро взялся провести с ней строгий инструктаж.

– Старший лейтенант эз-Зубейра, довожу до вашего сведения, что женщина-телеведущая обязана надевать на голову поверх хиджаба еще и военный берет! – говорил ей тоненький хлыст с огромным носом. – Также женщине-диктору категорически запрещается накладывать на лицо макияж, допускаются лишь легкие тени для век и немного туши на ресницы. Вам понятно?

– Господин подполковник, – сказала она Носу. – Подойдите ко мне поближе.

– Что?

– Я хочу, чтобы вы посмотрели на мое лицо на более короткой дистанции.

– Что?

– Да не бойтесь, я не кусаюсь!

– Что за легкомысленный тон, старший лейтенант? – ошарашенно спросил Нос и опасно повел глазами по сторонам, не видит ли кто его унижения перед младшей по званию. Хвала Аллаху, рядом никого не было.

– Так вы боитесь подойти ко мне ближе?

– Вы что, издеваетесь надо мной?!

– Не исключено. Если бы подошли, то заметили, что я вообще не пользуюсь косметикой.

Нос покраснел и сдулся.

– Господин подполковник, вы что-то хотите добавить?

Нос попытался сбежать, но девушка остановила его властным тоном:

– Стойте! Загните рукав, пожалуйста, правый рукав вашего кителя!

– Что?!

– Правый рукав загните, говорю вам! Руку мне покажите!

– О Аллах! – пробормотал Нос и немедля исчез.

Впоследствии при виде Бенфики в коридоре Военного политического бюро он краснел и старался проскочить мимо на максимальной скорости. Вскоре от «злющей и очень странной новенькой телеведущей» отстал и другой «менеджмент» телестудии Министерства обороны. Работа оказалась на удивление несложной: приезжать к полудню и записывать передачи с простыми названиями: «На страже Родины» и «Ни шагу назад». Смонтированные и готовые к эфиру программы транслировались по всей стране через спутниковые каналы «Найлсат» и «Арабсат», а также через релейные передатчики на земле: «Йеменский», «Шеба» и «Азал». Руководил процессом записи в «эфирной» студии майор Хандаль, обладатель блестящей лысины, густых черных усов и желтых от никотина пальцев. Он панически боялся захвата

в заложники и при выезде за ворота воинской части первым делом отцеплял офицерские знаки различия, ведь повстанцы на рядовых обычно не нападают.

Сидя в эфирной студии и глядя в телесуфлер, Бенфика зачитывала сочиненные майором тексты:

– Дорогие военнослужащие! Нам нужен патриотический героизм всех военных, стоящих насмерть против террористов и их пособников!

Однажды майор Хандаля, не предупредив, привел в студию несколько смущенных офицеров с черными от загара лицами. Бенфике следовало взять интервью у фронтовиков для новой программы «Наши герои». Она встала из-за стола, ушла из-под ярких софитов и поманила пальцем к себе Хандаля.

– Так, майор, ну и о чем же прикажете мне у них спрашивать? Я же никогда прежде не записывала интервью.

– А вы, старший лейтенант, где служили до телевидения?

– Оперативником, потом следователем госбезопасности.

– Ну так не мне вас учить... Чем глупее вопросы, тем обычно интереснее ответы.

Расшифровка интервью с офицерами армии, сделанные телеведущей военного политического бюро старшим лейтенантом Бенфикой эз-Зубейра. Город Сана, июнь 2013 года

Интервью с полковником Абу Мусаабом Хизаном Саяди из Отдела разведки 25-й бригады

– Почему вы, разведка, не смогли предугадать захвата «Аль-Каидой» целой провинции Абьян?

– Я считаю, что нападение террористов на провинцию было вызвано геополитическими причинами. Во всем мире началось активное преследование террористов, и многие из них избрали Йемен в качестве укрытия. На территории страны собралось слишком много террористов. Сначала они напали на город Лаудар, затем перебрались в город Зиндживар, где дислоцировалась 25-я бригада, по которой и был нанесен удар, повлекший за собой серьезные потери.

– Какие трудные ситуации случаются с вами на фронте?

– Самое сложное положение у нас было в начале боевых действий, когда 25-я бригада оказалась заблокирована боевиками. Каналы снабжения были перерезаны; острая нехватка воды, еды и боеприпасов. Мы пили соленую воду и ели что придется. Они кричали нам: «Сдавайтесь!», а мы отвечали: «Не сдадимся!»

Интервью с майором Мухаммадом Фаидом аль-Маджидом. Отдел саперной подготовки 111-й бригады

– Какие факторы позволили «Аль-Каиде» захватить целую провинцию с несколькими городами?

– Представители «Аль-Каиды» пообещали населению, что если армия уйдет, то провинция

превратится в священное место. Под этим предлогом они сумели завербовать в свои ряды много мирных жителей. Экономическая сторона проблемы заключается в том, что население страдало от бедности, и террористы использовали это, оказывая им материальную поддержку, бесплатно раздавая муку, сахар, чай и тем самым привлекая их на свою сторону.

– И последний вопрос. С какими сложными ситуациями вы сталкивались на войне?

– Для выполнения боевых заданий террористы использовали детей, что чрезвычайно осложняло наше положение. Часто дети атаковали нас со взрывчаткой. Но мы всё преодолели, хвала Аллаху.

Интервью с полковником Салехом Али аль-Ахталем, начальником Оперативного отдела 119-й бригады

– Не могли бы вы вспомнить самые опасные ситуации, в которые вы попадали в ходе боев с «Аль-Каидой»?

– В районе Аль-Джабалейн нас атаковали две группы боевиков, вооруженных кинжалами и автоматами Калашникова. Атака длилась около часа, мы потеряли пятерых бойцов.

– Какие были потери у них?

– Двенадцать человек. Они собирались отрезать нам головы.

– Откуда вы знаете, что они собирались это сделать? (Неразборчиво. Показывает на лоб и в грудь.)

– Повторите еще раз.

– Когда мы их обнаружили, мы стреляли в них и убивали. Мы стреляли им в лоб и грудь, а они шли на нас, как умалишенные.

– Большое спасибо за это интервью.

Руководил Военным политическим бюро худой длинноногий генерал, похожий на цаплю. Цапля был одержим идеей экономии государственных средств, выделяемых на армию. По несколько раз в день Цапля обходил здание телецентра в поисках негодяев, посмевших зажечь электричество до наступления позднего вечера, и лично щелкал кнопками выключателей в кабинетах и подсобных помещениях. Цапля требовал, чтобы писчая бумага использовалась «на все сто процентов», и редакционные комментарии и репортажи следовало писать шариковой ручкой непременно с обеих сторон листа формата А4.

– Лейтенант, что за роскошь вы себе позволяете в это трудное для государства время?! – кричал генерал, увидев нетронутую обратную сторону листа, и стучал деревянной указкой по столу съездившегося пропагандиста.

Экономия «по зернышку» приносила весомый доход. Цапля подарил своему «птенцу» на восемнадцатилетие белый кабриолет, выписанный по каталогу из Италии, ценою в сто двадцать пять тысяч долларов, включая налоги. Сана – столица, но город небольшой. Молва о неслыханном для нищей страны подарке вмиг облетела гарнизоны и блокпосты.

В бюро запахло не только вонючим табаком, но и бунтом – военные журналисты составили петицию с требованием выплатить долги по денежному довольствию за три месяца. Генерал вызывал сотрудников по одному в свой кондиционированный кабинет, устеленный толстыми коврами. Разговор с каждым заговорщиком был как под копирку.

– Офицер, а вам известно, что исламисты пожирают нашу страну, словно раковая опухоль? – говорил он, откинувшись в кресле и разворачивая еще один ванильный батончик. – Только мы из бюро пропаганды способны сделать ей химиотерапию! В это трудное время требовать от государства деньги?.. Это неприемлемо! Или вы хотите, чтобы вас записали в число изменников Родины? Что думаете насчет военного трибунала?

В отличие от сослуживцев Бенфика благодаря отцу не знала нужды, однако – из принципиальных соображений – тоже подписала петицию и была вызвана в шикарный кабинет Цапли.

– Грязные методы, – внимательно выслушав генерала, сказала старший лейтенант Бенфика.

– Что? – переспросил генерал.

– Иногда в нашем спецподразделении мы применяли грязные методы. Допустим, мы не могли в суде доказать причастность человека к террористическому подполью. Свидетели боялись, и дело разваливалось. Но медлить нельзя – государственный аппарат теряет позиции по всей стране. Тогда

в ход пускались диверсионные методы ведения войны. Например, у одного юноши появился новый итальянский кабриолет. Он был куплен на деньги, полученные за ряд услуг, оказанных исламистам его отцом...

– Старший лейтенант, что вы несете? – ошарашенно произнес военачальник.

– Терпение, господин генерал, я просто моделирую возможную ситуацию. Этот юноша садится утром в белый автомобиль за сто двадцать пять тысяч долларов. Он считает себя хозяином жизни, и нажимает на кнопку «старт»... И вместе с итальянским кабриолетом улетает в «сад вечности», поскольку к днищу было прикреплено взрывное устройство. Позже выясняется, что произошла ошибка: следовало ликвидировать его отца, агента влияния исламистского подполья, а погиб ни в чем не повинный мальчишка. Ну ничего! Зато когда юноша войдет в рай, прекрасные гурии будут подносить ему золотые блюда и чаши с вкусной едой и эксклюзивными напитками...

– Да вы спятили, старший лейтенант! – Генерал ударил рукой по столу. – Я сейчас же прикажу вас арестовать!

– Этому юноше в раю будет приготовлено все, что пожелает душа и что усладит его очи, – невозмутимо продолжала Бенфика, – и, чтобы его радость была полной, ему будет сказано: «В этом блаженстве ты пребудешь вечно!» А за что, генерал, вы меня хотите арестовать? За моделирование ситуации или за то, что я процитировала суру из Корана? Над ва-

ми будет смеяться вся армия. Хотя смешного мало. Вы прокручиваете денежное довольствие офицеров в «Гольф Банке», который принадлежит вашему брату, так?

– Замолчите, заткнитесь, ради Аллаха... – Генерал сидел в кресле, закрыв глаза и сжав кулаки. – Я сейчас же позвоню вашему руководству в контрразведке...

– А звоните, пожалуйста! Своей жалобой вы доставите моему шефу – генералу Гази – настоящее удовольствие. Он выслушает вас и даже посочувствует. А потом отберет у вас итальянский кабриолет, продаст его, а вырученные деньги раздаст моим коллегам в госбезопасности. Звоните!

– Чего вы от меня хотите, старший лейтенант?

– Вы вернете работникам долг за три месяца плюс заплатите премию за моральные издержки в размере трехмесячного оклада.

Она встала и пошла к выходу из огромного кабинета. Взглянув за массивную золоченую ручку, повернулась и посмотрела на генерала глазами цвета драконьей зелени.

– Посланник – да благословит его Аллах и приветствует – говорил: «Верующий раб Аллаха в изобилии благодарен. Он довольствуется тем, что имеет. Он никогда не присвоит себе того, что ему не принадлежит». Сегодня мой последний день работы в вашем бюро, завтра я возвращаюсь в спецподразделение. Сегодня среда, а в воскресенье по плану у нас обычно практические занятия по диверсионной деятельности...

Бенфика шла по унылому вонючему коридору и улыба-

лась. Впервые за время службы в армии ей удалось поговорить со старшим по званию так, как хотелось на самом деле.

(Денежное довольствие за полгода военнослужащим Военного политбюро было выплачено в субботу. Вскоре семья Цапли продала белый кабриолет в соседний Оман, а «птенца» отправили на учебу в университет более спокойной Иордании.)

Бенфика отправилась в большой дом Управления «А» в пригороде столицы и написала рапорт с просьбой вернуть ее в строй. Начальник национальной контрразведки генерал Гази принял девушку в своем офисе, по интерьеру напоминавшем оружейный склад колумбийского наркобарона.

– О! «Возвращение в Брайдсхед!» – с восторгом закричал генерал, увидев ее на пороге своего кабинета. Шеф почитывал книжки из библиотеки, купленной оптом у бежавшего в Израиль старика ювелира, и любил щегольнуть перед подчиненными литературными цитатами. – Признаться, я был сильно расстроен, когда узнал, что наша маленькая Бенфика связалась с этими трусливыми болтунами из политического бюро!

В его голосе никогда не чувствовалось уныния. О самых грустных вещах генерал Гази говорил бодро, словно только что сделал зарядку и принял контрастный душ. Четкий профиль и серебристый ус над ослепительной улыбкой. Старинный друг отца всегда напоминал ей капитана Батлера из

«Унесенных ветром».

– Старший лейтенант, нам крайне не хватает толковых людей! Мы в контрразведке выжигаем себя без остатка. Наши люди быстро устают бороться с «призраками»! У нас страшный кадровый голод! Добро пожаловать, моя девочка, в наш боевой расчет!

Бенфику прикрепили к Отделу специальных расследований в качестве снайпера, но стрелять на поражение пока не приходилось. На обязательных армейских дежурствах старший лейтенант руководила проверкой на блокпосте при въезде в столицу. При малейшем подозрении она вызывала очередную «жертву» из скорбно молчащей очереди и заводила в специальный вагончик для личного досмотра. Оставшись наедине, требовала высоко поднять длинный подол черной бурки и широко расставить ноги. Засовывая руку в резиновую перчатку в интимные места, она дважды находила небольшие пакетики со взрывчатым веществом. Жёны боевиков переносят контейнеры «в себе», проходя через блокпост десятки раз за день, чтобы в какой-то момент на нелегальной квартире собралось достаточное количество для взрыва в людном месте.

Иногда на Бенфику набегали грустные мысли. Она наизусть знает биографию нобелевского лауреата Нельсона Манделы; разбирается в деталях такого пустяка, как конфликт между Британией и Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов; может доступно объяснить основы

институциональной экономики, а также чем отличается интеграция от сегрегации. Благодаря стараниям отца, не скупившегося на репетиторов-иностранцев, она способна поддерживать разговор на английском, французском, паре локальных языков и даже португальском (дань воспоминаниям отца о путешествиях в прекрасный Лиссабон), но для пребывания в душном, дурно пахнущем вагончике все эти знания ей не нужны. Для работы в резиновых перчатках требовались лишь крепкие нервы, чтобы раз за разом выдерживать ненавидящий взгляд очередной задержанной для досмотра женщины.

В один из нежарких летних дней, когда термометр показывал всего плюс двадцать семь градусов по Цельсию, она обратила внимание на девушку, сидевшую за рулем старенького, но ухоженного зеленого «мерседеса». Та была одета в бело-черную форму стюардессы «Йеменских авиалиний». Бенфика и раньше замечала эту машину на разных блок-постах. У молоденькой бортпроводницы имелся «вездеход», позволяющий раскатывать по центральным провинциям без всякого досмотра. Пропуск, подписанный высоким чином в правительстве, не произвел на Бенфику должного впечатления. Лабрадор по кличке Марс, дрессированный на поиск оружия и взрывчатки, обнюхал машину и присел у багажника. Это означало опасность. Бенфика тут же приказала солдатам отойти за бетонные блоки и быстро открыла «задник». Ничего интересного – запасное колесо и сумка со спортив-

ной формой для женского фитнес-центра. Со стороны водителя опустилось тонированное окно.

– Вы не имеете права меня досматривать, – явно волнуясь, сказала стюардесса.

– Не имею.

– У меня правительственный пропуск.

– Поздравляю.

Бенфика взглянула на собаку. Пес теперь сидел у передней двери и смотрел на хозяйку «мерседеса». Она подошла к Марсу, потрепала его по холке, отодвинула «ищейку» в сторону, нагнулась и заглянула в открытое окно машины. В автомобиле всю работу выполнял кондиционер, но, несмотря на приятную прохладу, симпатичное личико бортпроводницы пылало ярким румянцем. Бенфика уловила древесно-цветочный аромат.

– «Поймай меня»?

– Что?

Лицо стюардессы теперь было в нескольких сантиметрах от лица Бенфики.

– Духи «Поймай меня»?

– Ах да. *Catch me*.

– Вы патриотка?

– Простите?

– Вы патриотка страны?

– Конечно!

– Тогда выйдите из машины, пожалуйста, и пройдите со

мною в тот вагончик. Всего пара минут. Пожалуйста!

Личный досмотр ничего подозрительного – кроме редко встречающихся на севере Йемена красных трусиков-стрингов – не выявил. Бортпроводница одернула длинную форменную юбку и нервно сказала: «Спасибо!» Бенфика поразилась – еще никто не благодарил ее за столь унижительную процедуру. Она проводила взглядом зеленый «мерседес» и позвонила начальнику Отдела специальных расследований.

– Вот вы сами теперь и следите за своей стюардессой, – ответил ей недовольный голос Стайера. – Раз вам кажется подозрительным, что после досмотра она вас поблагодарила...

– Но у меня нет на это времени...

– Значит, следите за ней в личное время, старший лейтенант!

Так Бенфика и поступила. Спустя неделю напряженной слежки хорошенькая стюардесса была арестована прямо в родительском доме.

Фрагмент расшифровки допроса гражданки Деляль Абухаяз, подозреваемой в террористической деятельности. Следственный изолятор города Саны, август 2014 года. Допрос проводила старший лейтенант госбезопасности Бенфика эз-Зубейра

– Ваши имя, фамилия, возраст и род занятий.

– Деляль Абухаяз, 23 года, работаю стюардессой на

«Йеменских авиалиниях».

– Как вы оказались здесь?

– Началась революция, и я выполняла у революционеров гуманитарные, чисто человеческие задания.

– Что конкретно вы делали?

– Я доставляла людям, убежавшим из горячих точек, из разных очень опасных мест, продукты, медикаменты и так далее. Потом это переросло в помощь по эвакуации раненых, перевозила их с одного места на другое.

– Как вы находили на это время, будучи бортпроводницей?

– В последние годы у наших гражданских авиалиний было очень мало полетов, мы практически не летали.

– Как вам удавалось перевозить раненых через блокпосты, почему вас не задерживали?

– Солдаты и полицейские никогда не досматривали, поскольку я ездила в форме стюардессы, ну и машина хоть старая, но все еще довольно дорогая, «мерседес». Да, и еще у меня был специальный пропуск – «вездеход». Но его никто, кроме вас, не требовал показать.

– Значит, военным и в голову не могло прийти, что стюардесса в форменной одежде национальной авиакомпания перевозит в «мерседесе» боевиков? Это вы сами придумали?

– Нет. Мне предложили это... после того как я хорошо помогала в качестве волонтера, мы привозили

продукты сначала, я уже говорила...

– Конечно, Деляль. Расскажите, как вы перевозили раненых.

– Перевозила в багажнике, если много крови, или на заднем сиденье, если внешне ранение не было заметно. Говорила, что жениха везу в больницу.

– В присутствии понятых в вашем багажнике мы нашли сегодня десять автоматов, патроны и гранаты. Как часто вы перевозили оружие? Вы участвовали в боевых действиях?

– Вообще-то я... Нет, в боевых действиях я не участвовала. Я имела контакт с оружием только один раз, везла брату автомат. Вручила ему этот автомат, чтобы он воевал в отряде. Но, естественно, он погиб через месяц... Это единственный раз, когда я имела дело с автоматом.

– Те десять автоматов, что мы нашли у вас в «мерседесе», это был второй раз?

– Да.

– Хорошо, Деляль, я вам верю. Немного отвлечемся и вспомним: как вас сегодня задержали, при каких обстоятельствах?

– Вы же сами приехали ко мне домой и вместе с оперативными служащими меня забрали... Спасибо вам большое, что не позволили им меня бить... Хвала Аллаху. Но в машине военные мне угрожали изнасилованием, а один из них назвал шлюхой террористов и ударил по лицу...

– Не может быть! Я этого не видела.

– Так вы ехали в другой машине...

– Я разберусь с теми, кто вас оскорбил. А сейчас хочу вам объяснить следующее: вы можете остаться сейчас здесь, в следственном изоляторе госбезопасности, где теплые и чистые комнаты на одного или двух человек с туалетом и умывальником, есть душевая. Здесь кормят завтраком, обедом и ужином. Вечером дают фрукты. Но если вы не будете со мной откровенны, то ваше дело заберет полиция и вас отвезут в городскую тюрьму. Мне жаль, но с высокой долей вероятности повезут те же люди, которые доставили вас сюда... Тут уж я ничем помочь не смогу...

– Нет, нет...

– В городской тюрьме в каждой камере содержится от пятидесяти до сотни человек. Там очень грязно и жарко. Один туалет на всех, и воду выдают раз в день небольшими порциями. Говорят, заключенные до крови дерутся между собой, чтобы как следует напиться. И охрана с женщинами – а там сидят жёны, вдовы террористов и убийц – особо не церемонится.

(Вместо ответа рыдания.)

– Дорогая Десяль, вы можете сесть в городскую тюрьму на всю жизнь... Понимаете это? Однако если вы сейчас будете со мной честны, как с сестрой или с подругой, то я похлопочу перед руководством, чтобы вас оставили здесь...

– Я хочу (рыдания) здесь...

– Хорошо. Мы договорились? Вытрите слезы, пожалуйста, возьмите салфетки. Держите. Возьмите

всю пачку.

– Да. (Плачет.)

– Вот, сейчас выпейте воды... Вас никто больше пальцем не тронет. Теперь вы под моей защитой, будьте спокойны. Я буду лично ходатайствовать, чтобы суд учел вашу добросердечную помощь следствию... Вы немного успокоились?

– Да. Спасибо.

– Хорошо. Деляль, дорогая, давайте продолжим? Как назывался ваш отряд?

– У нас не было отряда, это была просто группа людей... Мы собирали пожертвования среди сочувствующих служащих аэропорта, собирали гуманитарку, собирали деньги, чтобы спонсировать наши операции.

– Вы сейчас не жалеете, что привезли своему родному брату оружие?

– Я потеряла своего брата, я жалею об этом. Я была причиной.

– А сейчас как бы вы поступили? Что бы вы сейчас сделали, вернись то время?

– Зная о происходящем в Йемене, как все стало быстро развиваться, естественно, я по-другому бы поступила. Я бы даже постаралась сделать что-нибудь, чтобы мой брат был более мирным человеком и не погиб.

– Как вы думаете... Вы передавали террористам оружие... К гибели какого количества людей это привело, сколько эти автоматы убили человек?

– Да, честно говоря, дело набирало обороты. Я потом занималась оружием, боеприпасами. Много раз, не помню сколько...

– Держите еще салфетки, пожалуйста...

– Я, естественно, думала об этом. Много раз думала. Мы начали с одной целью и потом утонули. Вот в чем утонули – я не знаю в чем. Несознательно утонули. Я бы не желала, чтобы такое произошло в нашей стране, чтобы мы до этого дошли, до такого, как сейчас.

– Я очень рада, что вы осознаете, к каким ужасным последствиям вас привели эти люди. А теперь расскажите мне подробнее о группе. Меня интересуют служащие аэропорта... Деляль, с кем вы чаще всего общались на аэродроме, в аэропорту – назовите, пожалуйста, их имена, фамилии и должности.

– Записывайте...

Бенфике досрочно присвоили звание капитана, и генерал Гази распорядился зачислить девушку в штат Отдела специальных расследований.

Тот август накануне общенационального краха 2014 года выдался необычайно дождливым. Теплый, почти горячий ливень напал на землю внезапно и не останавливал водяные атаки в течение восьми, а порой и десяти часов. После дождя лужи высохли мгновенно, и над землей выросла густой туман, как в турецкой бане. Отдел возглавлял майор с позывным «Стайер», молодой человек с тростью, хромой на одну ногу и красивый, как арабский Ален Делон. Группа опе-

ративников перемещалась по стране на самолетах и вертолетах, но чаще на армейских броневиках, «бывших в употреблении», но еще крепких. Парни называли себя «затычками» и «ассенизаторами», поскольку «дерьмо лезло изо всех щелей и страна тонула в жидком говне буквально на глазах».

В один из дождливых предосенних дней они сидели в засаде в заброшенном доме на окраине приморского Адена, поджидая некоего Омара, координатора подпольной группы джихадистов, убившей нескольких полицейских и солдат. Через пару часов молчания начальник Отдела тихонько спросил девушку, откуда она родом. Можно было подумать, что он не читал ее биографию перед зачислением в Отдел. Бенфика коротко ответила, упомянув и маму-иностранку из Тимбукту. Оказалось, что мать шефа тоже родилась в племени кочевников-туарегов, но только не в Мали, а в Ливии.

– А как она здесь, среди арабов, очутилась, господин майор? – любопытствовала Бенфика.

– История простая. Мама работала стюардессой на «Ливийских авиалиниях», а отец как-то полетел по делам в Триполи и влюбился. А ваша?

– Моя мама из касты «благородных», – ответила ему Бенфика. – Она умерла от укуса песчаной эфы, когда мне было пять лет, и я ее почти не помню. Отец отказывался рассказывать об их знакомстве; какая-то семейная тайна...

– Капитан, а вы хотя бы немного говорите на их языке? – спросил Стайер на языке тамашек, то есть на языке туарегов.

– Да. Мой отец, когда я подросла, сумел отыскать носителя языка, туарега по имени Хусс. Он славный человек, утверждавший, что имеет джинна среди предков. Он обучил меня языку и письменности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.